

Ваган Арутюнов

Сирена

Роман

2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДВА ДРУГА

Глава 1. Прощай, детство

—Море... Что это? Что оно собой представляет?.. Понимаем ли мы, что это иной мир? Вот тут, рядом с нами, ласково гладит наши пятки, играя с нами словно с камешками, которые, перекатываясь, как бы смеются... Вечное зрелище, которым глаз не насыщается, оно словно любовь, словно живая душа. Бывает ласковым как мать, а может неистово разбушеваться, вздымаясь многотонными горами волн к небу, пуская пену, как бешеный пес. Кто тогда отважится называть его «ла маре», как старик у Хемингуэя, помнишь?

—Ну, ты как всегда умничаешь. Скажи лучше—ты решил, куда будешь поступать?
—спросил Исаак.

—Да как тебе сказать... —протянул Джонатан.

Джонатан Бишоп и Исаак Мартин дружили с детства. Каждое лето они проводили вместе на побережье Флориды в маленьком уютном городке, где жили по соседству бабушка Джонатана и дедушка Исаака.

Исаак, веселый широкоплечий с добродушной улыбкой парень, был полной противоположностью худощавому, меланхоличному циничному Джонатану. Как по характеру, так и внешне. Но, вероятно, это и притягивало их друг к другу: ведь виноград без поддерживающей шпалеры не принесет сладкого плода. Так каждый находил в другом то, чего не доставало ему самому. Между ребятами не было никакого соперничества, что, видимо, и обусловило их долгую добрую дружбу.

Счастлив тот, кто нашел в жизни настоящего друга. Исаак беспрекословно подчи-

нялся сильному мужественному товарищу. А тот не давал ему спуска, привлекая к своим спортивным занятиям. Утренние пробежки, подтягивание на турнике, бокс сформировали прекрасную фигуру юноши и твердый бесстрашный взгляд. Джоната - на же привлекала в Исааке его рассудительность. Он помнил, как они встретились впервые. Тогда Исаак приехал погостить к своему деду, отставному майору полиции Самюэлю Мартину, который, выйдя в отставку после службы в полиции Нью-Йорка, купил себе дом рядом с Айрис Бишоп, бабушкой Джона - тана. Она к тому времени была уже давно на пенсии и занималась тем, что редактировала книги молодых писателей. Последнее время работы, которой она делилась и с внуком, у нее было столько, что хватало и Джонатану на карманные расходы.

Ребята любили строить на берегу крепости из песка, а на следующее утро смотреть, что от них осталось. Вот и в это утро после

пробежки и купания в прохладном море друзья сидели там, где еще вчера возвышались несокрушимые, казалось, бастионы.

Море не оставило от них и следа... Хотя нет — от фортификационных сооружений Исаака осталось несколько бугорков. Джонатан это не огорчило: ведь он знал изначально, что дело его рук обречено, и строил всё кое-как. И обнаружив на месте своей крепости гладкий песок, даже почувствовал некоторое облегчение.

— Так ты все-таки пойдешь по стопам своего деда и отца? — спросил Джонатан.

— Да, — простодушно улыбнулся Исаак. Он с детства знал, что станет полицейским, как будто был рожден для этого.

Летний отдых подходил к концу, и во-прос Джонатана был сродни его песочному замку: он не надеялся переубедить друга, а просто хотел лишний раз убедиться, что тот все еще на своем месте, как маленький ребенок в темноте спрашивает у мамы: «Ты здесь?» — «Здесь, сынок», — отвечает

мать, и ребенок продолжает спокойно спать.

Джонатан всегда удивлялся твердости убеждений своего товарища. Его высказывания были точными, четкими, однозначными. Сам же он, напротив, всегда во всем сомневался и, если обнаруживал свою неправоту, даже радовался этому, как иной своей победе. Ведь победа обязывает тебя отстаивать ее, а поражение освобождает от бремени ответственности.

Они были словно Древняя Греция и Рим, Афины и Спарта, философия и сила. «Человек с медной душой» — так называл Джонатан своего друга, он вычитал это название у Платона. Бабушка не предъявляла к нему особых требований, лишь бы он исполнял основные три: хорошо питаться, своевременно ложиться спать и прочитывать не менее пятидесяти страниц в день. В остальном он был волен делать что хочет. Она была довольна его дружбой с простодушным Исааком. А тому хватало информации, которой

щедро делился с ним друг, поэтому самостоятельным чтением он себя особо не утруждал.

—Я еще не выбрал: поступать на исторический или на философски-и-й... —Исаак знал, что, когда Джонатан протягивает окончания слов, это означает его неуверенность. —Ну, ты всегда можешь перевестись, пока будешь на первом курсе.

—Да, конечно, —согласился Джонатан. —Ну, всё! —Исаак вскочил и дернул товарища за руку. —Хватит тут валяться, нам надо сегодня еще многое успеть.

Джонатан, заметно уставший после утренней тренировки, неохотно поднялся и последовал за Исааком...

Это утро накануне долгой разлуки на всю последующую жизнь останется в памяти ребят. Не раз впоследствии, много-много лет спустя, Джонатану, обдумывая о чем-то свой очередной выбор, будет не хватать решимости его друга. А пока они наперегонки бежали к дому Исаака, где его дед

и бабушка Джонатана ждали их на прощальный обед.

Ребята со смехом вбежали в дом, наполненный аппетитными ароматами приготовленных старым Самюэлем блюд. Сам он встретил их стоя в парадном мундире с наградами на груди. Рядом, ласково улыбаясь, стояла миссис Айрис. Они представляли собой гармоничную пару, отметили про себя оба внука.

— Отправляйтесь в душ и после... — Де-душка Самюэль не успел договорить: «...садитесь за стол», как мальчишки разбежались по своим комнатам. Оба дома давно уже

стали общими для друзей, так что у каждого была своя спальня и там и там.

Старики переглянулись с грустной улыбкой: ясно было, что счастливые хлопоты о молодых сорванцах бесповоротно ушли в прошлое. Остается лишь надежда на то, что они будут приезжать на каникулы, а позднее, возможно, удастся повозиться с их детьми. Что может быть слаще для оди-

ноких стариков!Всё это они прочитали в глазах друг друга.Да и сами они стали близки благодаря многолетней дружбе внуков. Родители и Джонатана,и Исаака были тут редкими гостями.Еще достаточно молодые,имея собственные интересы и амбиции,они отдыхали от детей,когда те уезжали на море.А отношения между внуками и родителями их родителей всегда складываются наиболее гармонично.Возможно, человечество во многом выиграло бы,придерживаясь формулы:дети растут в общении со старшим поколением.Выиграли бы все три стороны:внуки больше тянулись бы к родителям,и их поучения были бы для них большей ценностью,родители не чувствовали бы себя оторванными от общественной жизни и продолжения карьеры, а старшее поколение,уже стремящееся к спокойной жизни и само излучающее спокойствие,мир и любовь,стало бы лучшим наставником малыша в этом мире не без

удовольствия для себя:ведь нет большей радости,чем любить,когда к этому готов и материально и социально.

Но как бы там ни было каждый сам де- лает свой выбор.Джонатан,Исаак,мистер Самюэль и миссис Айрис сидели за столом на веранде.Приятный ветерок играл с сал- фетками на столе,обдавая собравшихся свежими запахами моря,травы и цветов, запахами уходящего навсегда детства. За столом шла общая оживленная беседа.

Казалось,все хотели наговориться впрок. Взрослые не могли нарадоваться уму и кра- соте молодых парней.

Вдруг Джонатан замолчал и замер, будто увидев что-то вдали.Исаак попытал - ся шутками вывести друга из этого состоя- ния,но скоро понял,что с товарищем тво- рится что-то неладное.Тут как будто и теплое летнее солнце потеряло силу, и возникший непонятно откуда холодный ветер обдал сидящих за столом так,что миссис Айрис,обхватив плечи ладонями,

подумывала, не накинуть ли на плечи плед.

— Я вспомнил, какой мне приснился ночью странный сон, — встревоженно объяснил Джонатан.

— Сон? — переспросил мистер Самюэль. По выражению его лица было видно, что он не считает сон достаточной причиной для тревоги, однако он удержался от комментариев, потому что миссис Айрис была взволнована.

— Расскажи, расскажи, Джонатан, — умоляющим голосом обратилась бабушка к внуку, словно тот был маленьким мальчиком, которому в ладошку впицась заноза, а он сжал от боли кулачок и не хочет его разжать: боится, что извлечение занозы вызовет не меньшую боль.

— Мне снилось, будто меня и Исаака застигла буря, когда мы плыли на яхте мистера

Самюэля. Нас занесло в какое-то странное место: скалы, а на них отель удивительной формы. Я сейчас не могу вспом-

нить подробностей,но помню,что внутри он выглядел полузаброшенным.То есть там были и постояльцы,и мебель,и служащие, но в общем людей очень мало и ощущение ветхости...Помню,мы улеглись вечером спать,и в двери вдруг начали стучать,да так сильно,что мы перепугались,вскочили с кроватей и попытались соорудить из них баррикаду.Но дверь все равно не выдержала,в гостиницу ворвались волки,и нам пришлось отбиваться от них...

Наступила тишина.Первым прервал ее

Исаак:

—Не зря я говорил тебе вчера,что не стоит так увлекаться перчеными чипсами.Отсюда и твой сон.

Но его шутка не произвела желаемого эффекта.Миссис Айрис подошла к внуку и обняла за голову.

—Мой мальчик,все будет хорошо,это всего лишь сон.

Но ни у кого из сидящих за столом уже не было полной уверенности в том,что это

всего лишь сон, даже у бравого Самюэля Мартина появилось недоброе предчувствие.

Обед закончился почти без разговоров. Ребята вынесли на тротуар перед домом горю сумок, которую чудом поглотил багажник подъехавшего такси. Внуки обняли стариков и, хлопнув одновременно с двух сторон дверями, унеслись в будущее, оставив позади безвозвратно прошедшее детство. Исаак оглянулся разок, и ему показалось, что его дед обнял за плечи миссис Бишоп. Он улыбался, несясь навстречу новой взрослой жизни, Джонатан же оставался молчалив, словно не вернулся еще в реальный мир после ночного миража.

Глава 2. Айсберг

— Когда трещина прошла между льдиной и континентом, поначалу она была тонкой, почти незаметной, затем стала расширяться все больше и больше, дости-

гая в некоторых местах нескольких сотен футов, так что ее стало видно даже из космоса. Лишь небольшой участок в несколько миль соединял ее с континентом. Тогда все забило тревогу, и вот внешнее течение оторвало ее от материка, старая связь, века, а может, и миллионы лет скреплявшая с ним ледник размером с Британию, не удержала его, и за считанные секунды гигантский айсберг оказался в море.

— Почему именно эта ассоциация, мистер Мартин, пришла вам в голову по поводу случившегося?

— Не знаю, может быть, м-м-м... Я видел это по телевизору, когда пил кофе в то утро. Наверно, это последнее, что врезалось в мою память, пока я...

— Пока вы—что?..

Исаак не ответил.

— Пока вы оставались нормальным человеком?

— Может быть... Не знаю...

—Но кто вам сказал, что вы перестали им быть?

—Нет, я не говорю, что... А может, я, как тот айсберг, который оторвался от своей прошлой жизни как совокупности целей, воспоминаний...

—Расскажите еще раз о событиях того дня.

—Я дежурил на пересечении Пятьдесят восьмой улицы и Восьмой авеню. Напарник отлучился выпить кофе. Смена шла к концу, никаких происшествий не случилось. Настроение было хорошим. Но тут запросил помощь другой патруль, неподалеку от Бродвея. Я, не дожидаясь напарника, выдвинулся туда, чтобы отсечь преступника от Центрального парка, там дети и много людей, понимаете? Дальше все происходило стремительно. Несколько нарядов с разных сторон прижали его к площади, я оказался как раз у него на пути и попытался остановить, но он оттолкнул меня, и я упал. Затем я несколько раз предупредил его, что буду

стрелять,если он не остановится,но он не остановился.Я не знал,какое преступле - ние он совершил,и выстрелил.Он упал.По- том я узнал,что это был мелкий карманник, укравший бумажник с парой долларов.Зва- ли его Карл Слим.Понимаете,этот девятна- дцатилетний парнишка по возрасту мог быть моим сыном.

—Но вы предупредили его?

—Да.

—Вы действовали по уставу?

—Да,конечно.

—Все обвинения с вас сняты?

—Да,да,я все знаю,но...

—Что тогда вас беспокоит?Он мог ока- заться опасным преступником?Мог пред- ставлять угрозу для окружающих?Общество для того и содержит институт насилия,что- бы ограждать законопослушных граждан от преступников.

—Да,конечно.

—Ведь если кто- то бросается под поезд, машиниста в этом не винят,так же как и ло -

комотив не убирают с рельсов. Есть законы, и...

—Я всё понимаю и много раз это слышал, но парень все равно мертв.

—Демократическое общество создается по принципу добровольного свободного объединения личностей, действующих в интересах государства, и государство в свою очередь заботится о каждом своем гражданине и защищает его свободу и имущество от тех, кто посягает на общее благосостояние. Ведь посягательство на одного из граждан есть посягательство на всех. Для этого государство делегирует право на насилие специальным учреждениям, чтобы они ограждали его от нарушителей. Так что если и приходится в результате пострадать нарушителю, то вина на нем, а не на том, кто защитил общество от агрессии. В таких случаях закон становится стержнем, богом общества и посягательство на закон равносильно святотатству, ибо нарушающий один закон не уважает весь свод законов, иначе

говоря, посягает на законность как таковую. Значит, на вас нет никакой вины, более того: общество благодарит вас за то, что вы его защитили.

—И все же я чувствую себя убийцей...

Исаак посмотрел на часы, встал и протянул руку психологу.

—Среда следующей недели, так же в шестнадцать часов, вас устроит? —пожимая ему руку, спросил психолог.

—Думаю, что вряд ли буду здесь. Я взял отпуск за свой счет, хочу уехать куда-нибудь из города, постараюсь со всем этим разобраться. Может, должно пройти какое-то время.

—Да, время лучший целитель, только не оставайтесь со своими мыслями наедине, хорошо?

—Хорошо, я дам вам знать, когда вернусь. Спасибо за помощь.

Выйдя из офиса психолога, Исаак медленно побрел по улице. Шум машин, голоса людей отвлекали его от переживаний. Он

уселся на скамейку в парке. Рядом на аллее несколько малышей возились в песке, усе-
янным веточками после вчерашнего ливня.
Они что-то чертили и смеялись. Исаак
вспомнил, как они с Джонатаном когда-то
строили песочные замки на берегу моря,
вспомнил и о своем деде, сейчас его под-
держка не помешала бы.

Жизнь разбросала друзей детства. Пер-
вое время они еще изредка общались,
но последние лет пятнадцать потеряли друг
друга из виду. Исаак так и не завел семьи. У
него было несколько подруг, с которыми он
пытался завязать серьезные отношения, но
работа полицейского в большом городе полна
риска. Ему не хотелось, чтобы случилась с ним
беда, его жена и дети остались одни. Со
временем он оставил надежды на создание
семьи и полностью отдался ра-
боте...
Ему вдруг с невероятной силой захоте-
лось оказаться во Флориде, в том доме, где прошли
детские годы, окунуться в тогдaш-

нюю безмятежную атмосферу. Возможно, там он найдет ответы на все свои вопросы...

Он решительно встал и уже через несколько часов ожидал посадки в аэропорту Ньюарка.

Глава 3. Лекция профессора Бишоп: вступление

В амфитeatре собралось более пятисот студентов. Стоял страшный гул. Находясь в коридоре, можно было подумать, что за дверями происходит бурный скандал. Профессор немного подождal перед дверью. Он всегда в таких случаях ощущал себя выходящим на арену гладиатором. Либо он сразу завоеует внимание публики, либо...

Дверь под его сильной рукой резко распахнулась, и в аудиторию вошел худощавый мужчина с уложенными назад темно-русыми волосами до плеч, открывающими высокий лоб с рельефно выступающими лобны-

ми костями. Взгляд его моментально как бы просканировал всю аудиторию, и зал как по мановению волшебной палочки погру- зился в тишину. Лишь кое- где еще вспыхи- вали редкие вспышки эмоций, но общая ти- шина тут же словно гасила их. Профессор положил на стол папку и еще раз окинул взглядом аудиторию. Теперь она была по- добна безмолвной и неподвижной глине, из которой сейчас начнут некто ваять.

—Наша сегодняшняя тема—власть! — провозгласил он. —Приготовьте листы бу- маги для записи вопросов, которые возник- нут у вас по ходу лекции, и уберите свои те- лефоны. Я буду говорить медленно, чтобы вы успевали реагировать. У каждого будет возможность приобрести в секретариате книгу с полной версией этой лекции. В кни- ге вы найдете конверт с наклеенной маркой и моим адресом, так что все ваши вопросы, если вы соизволите их записать, попадут ко мне, и я обязательно на них отвечу. За пару часов вы пройдете всю историю политиче-

ской философии от Платона до наших современников. Я возьму каждого из вас за руку и проведу через этот дремучий лес. Но сразу скажу вам: даже если обойдешь весь земной шар, все равно вернешься на то место, откуда начал свой путь, а этим началом будет Сократ. Да, именно этот скептический собеседник. В его вопросах я слышу того же, кто спрашивал: «Адам, где ты?»; «Адам, кто сказал тебе, что ты наг?»; «Адам, не ел ли ты с дерева, о котором я заповедал тебе?»...

Ницше спрашивал: «Почему я должен любить ближнего?» — и приводил множество

причин, по которым нам может не нравиться наш ближний, и все они верны. Вам кажется, что это вопрос? Разве не лицемерие, надев маску добра, творить то зло, что творит, как ему кажется, его оппонент? Христос и его церковь, крестовые походы, просвещение коренного населения колоний, помазание королей? Нет, это не вопрос — это ответ в форме вопроса.

Он не хочет любить ближнего, а точнее не может, и вот ищет причину для оправдания, но не с целью примириться, а чтобы восстать против. Как больной, которому понравилось жить в этом мире со своей болезнью, не ищет способа вылечиться, но стремится изменить мир для удобства своей болезни. Он не хочет любить и потому как бы спрашивает: «Почему я должен любить ближнего как самого себя?»...

Профессор окинул взглядом аудиторию и продолжил:

— Подросток ленится идти на занятия в школу и спрашивает: «Почему я должен?» А затем мобилизует все силы души, чтобы сопротивляться этому «почему», и рассуждает о силе и о сверхчеловеке, о слабости тех, кто привык подчиняться, — как он говорит, о рабах! Но причиной героизма часто бывает аффект, аффект разрушает психику и ведет к безумию. Так что труднее: единожды совершить подвиг или совершать его постоянно, день за днем? На этот вопрос смог

ответить другой философ —византиец Иоанн Златоуст.К сожалению,часто делается такая ошибка,когда философы пытаются спорить с Христом и им кажется,что они побеждают.Но это все равно что ругаться с небом,его не схватишь,да и Христос не оставлял учения,но оставил учеников. И будет правильным вести диспут не с ним лично,ибо кто из нас его слышал и кому он отвечал?Я не говорю о тех,кто лечится в специальных клиниках.

Тут напряжение спало и зал разразился хохотом.Профессор дал разрядиться энергии зала,но не позволил ей выйти из-под контроля.Он сделал дирижерский жест, и внимание аудитории вернулось к нему.

—Так вот, —продолжил он, —любовь это не приязнь или неприязнь,это свойство души,которое она проявляет естественно, без насилия над собой.Заметьте,это не значит—без усилия.Когда ты идешь тренироваться в спортзал,ты прилагаешь усилия,но никто тебя не насилует,и если

в тебе нет собственной силы, то ты слаб. Эта слабость, помноженная на страх, становится двигателем для вопроса, и ответ на него — сверхчеловек. Это ответ слабого, точнее, не познавшего свою силу. Это контракт с сатаной — стать монстром, свободным от нравственности, свободным от морали, свободным от любви. Вопрос Ницше: «Почему?» — Профессор повысил голос так, что, кажется, содрогнулся купол амфитеатра, а затем продолжил почти шепотом: — Потому что человек благ! Благ по своей сущности, по своей природе. Но откуда мы об этом знаем?.. «Благороден будь, скор на помощь и добр» — вот формула, которую предложил другой великий немец: Гёте! Прежде чем вернуться к вопросу о сущности власти, я бы еще раз оглянулся назад. Кант дал нам понятие о сущем и должном, которые представляют собой два берега: царства необходимости и царства свободы. Не буду останавливаться подробно на этих понятиях, лишь напомним

тем,кто,возможно,забыл,что существует теоретический разум,который Платон на - звал миром идей,и практический разум— это мы,человечество.Как позже объяснил Фихте,изначальным является—свобод- ный практический разум,но когда вы пи- шете на бумаге,вашеяреализует себя, как бы оставляя свой отпечаток,в вашем *не я*—и это уже теоретический разум. По Фихте,результат деятельности вашего *я* определяется как ваше *не я*.Интересно, что ребенок,каким был любой из нас, сперва являлся *не я* своих родителей,по- том учителей,постепенно превращаясь в *я*. Определением *не я* мы можем обозначить все материальное тело культуры,то есть весь сотворенный человеком мир,который в свою очередь формирует последующие субъекты свободы—маленькие индивиду- альные *я*,соединяющиеся в большое *Я* об- щечеловеческого духа.Таким образом, можно сказать что экономика,хозяйствен- ная материальная составляющая мира,есть

производное от культуры, которая в свою очередь является производным от общечеловеческого *Я* и производит это самое *Я*, которое рождается как *Не я* следующего уровня.

Хорошо, но кто был первоначальным *Я*, от которого произошли природа и человек? Ведь всё, что мы видим в природе: солнце, небо, море, суша и всё живое, да и первоначальный человек — является по теории Фихтене *я.но чье это не я?* Где первое *Я*?

Библия учит, что мы и всё остальное это *не я* Бога. Верить ей или нет — каждый решает сам. Гете называет его *всеобщим духом*, а природу и общечеловеческий дух его — *не я*. Причем цель — познание себя через познание общечеловеческим духом — Всеобщий дух, и круг замкнулся.

Персональное *я* маленькой буквы, сливаясь с другим *я*, создает общее *Я* большое, от которого происходит общее культурное *Не я* большое. Из него рождает

ся большое *Я* общечеловеческое, которое породит *Не я*, и так по спирали, причем спираль конусообразная, направленная вверх, и там, где она превратится в точку, произойдет это... —Профессор искусно изобразил на доске, как один палец сверху касается другого снизу, видимо, намекая на картину Микеланджело «Сотворение Адама». — Да, произойдет осуществление замысла *Я* всеобщего духа, Бога, как вам будет угодно, причем диаметр этого конуса сокращается по мере совершенствования общечеловеческого *Я*.

Можно ли поне *я* узнать характеристики *я*?
Определенно! Так, если всё, что мы видим: природа, люди — кажутся нам благим и красивым, значит, таков *я*, породивший это. Скептик скажет о змеях, скорпионах и гиенах, я отвечу, что *не я* в разных формах сохраняет большее или меньшее отражение свойства, от которого оно происходит.

Но вернемся к нашей основной теме. Как *не я* мы видим в этом мире? Азиатское,

буддийское, индийское, исламское, христианское, атеистическое... Например, общечеловеческий дух жителей маленького городка в Греции соответствует общечеловеческому духу всей этой области Греции и общечеловеческому духу всей Греции, а тот в свою очередь — европейскому общечеловеческому духу. Некоторые не могут сосуществовать в плотном общении, оплодотворяя друг друга. Так два родителя, являясь самостоятельными, рожают третьего. Оговорюсь, напомнив еще раз, что рождается оно как *не я*, но с неизбежным превращением в *я*.

Однако иногда рожденные *не я*, возможно, вследствие конфликта их родительских культур, делаются враждебными предыдущему уровню цивилизационной спирали, как те роботы-андроиды в фантастических рассказах, которые, достигнув в мечтах их создателей состояния *я*, вдруг решают избавиться от породивших их людей.

Главным определяющим принципом жизни является творчество. А, допустим,

пчелы, производящие мед, тоже творят *не я*? Да, и это имеет отношение к первичному *я*. Тут мы встречаем величайшего из философов, завершившего круг познания, определив первичное *я* как всеобщий дух, или, как называет он сам себя, *сущий*, ибо в действительности *я* существует как производное от этого *я* в различных ветвях. Природа и человек развиваются по спирали посредством диалектики: тезис — антитезис — синтез. В результате или деградируют, или совершенствуются. Я пушчу камень в сторону Маркса, который обрезал философию Гегеля, убрав из нее всеобщий дух, и, опираясь лишь на материализм, возвратился на уровень ниже к тому же Фихте. При этом он не является его учеником, а, скорее, антихристом. Вред этой философии состоит в том, что она ведет к вымиранию человека или, в лучшем случае, к консервации пребывания в одном состоянии. Состояние неодухотворенного неразумного мира превращает человека в разумный живой

предмет. А это каннибализм! Потому что если спираль и превратить в круг, то нет движения, нет цели — либо движение по спирали, но в обратном направлении. И вместо того чтобы произвести новое, более совершенное *не я*, мы лишь поедаем *не я* предыдущего культурного слоя.

Подытоживая этот этап развития философской мысли, скажу, что тот, кого несколько, объединившись, назначат своим штурманом, в свою очередь должен способствовать творческой свободе тех, которые дали ему возможность им стать, ибо бытие *я* это прежде всего возможность производить *не я*, то есть еще раз свобода творчества. Как в математике направляющая есть сумма векторов, так и общее материальное *не я* может быть общесемейным, общегородским, общенациональным, общечеловеческим общемировым, поэтому нужно понимать, что все движущееся в противоположную сторону ведет к деградации *не я*. Войны, экологические катастрофы

фы и так далее —сами дополните этот список,и так вы определите для себя пере- чень

возможных поступков и невозмож- ных—тех,которые ведут в направлении, обратном вектору развития общечеловече- скогоя.И при таком подходе вы остANE- тесь свободными людьми,вопреки Ницше, полагавшему свободным только сверхчело- века.Ведь на самом деле свобода это не только возможность делать,что тебе хо- чется,но более того,я вам скажу:это обя- занность не делать того,что шло бы враз- рез с общечеловеческим всеобщим духом, как бы тебе этого эгоистически ни хоте- лось.

Зал загудел в некотором недоумении.
—Именно так, —подтвердил профес- сор.
—Когда одна,творя своене я,ли- шает других возможности к творчеству (я не говорю о направленности этого творче- ства,речь идет о принципе),то можно ли это назвать тиранией?Не всегда.Напри - мер,у вас имеется зависимость—от нар-

котика ли, компьютерных игр, или какого -
то человека — неважно. Эта зависимость не
дает вам создавать *не я*, которое вы
можете и хотите творить, оставаясь в гар-
монии с общечеловеческим, националь-
ным, городским, семейным и так далее.
И тот, кто удержит вас от производства
этого саморазрушающего *не я*, вам
не враг, не так ли? Так вот в свободном
обществе, а вы теперь понимаете, что я имею
в виду прежде всего свободу
от разрушающего общего *не я* воздействия,
происходит расцвет культурно-материаль-
ного *не я* и создается фон, на котором но-
вое зарождающееся *я* становится продол-
жателем, сотворцом *не я* с производящим
я. Значит, если принять за цель человече-
ского бытия самосовершенствование
и второй вектор: что человек изначально
существо добродетельное, общественное
и общительное, то становится вполне ясно, что
закон как граница это определение
тех векторов, которые правее или левее,